

Сегодня. — 1994. 21 мая. — С. 10.

Ген. директор Большого театра Владимир Коконин: возможно, результатов реформы я не дождусь

Татьяна Кузнецова

Владимир Михайлович, почему вы продолжаете на себя брать «чужие» обязанности заместителя гендиректора по большому театру? Чем оно отличается от обязанностей вашего президента?

— Указывает изменения в положении о Большом театре, принятое указом же президента два года назад. Это чисто юридический момент: изменения в документы, утвержденные президентом, могут вносить только сам президент и его аппарат. Первыми следуют: состав театра, в том числе его творческое и административное руководство, переводится на контрактную систему. Порядок назначения генерального директора тоже будет иным. Я вступаю в должность в соответствии с указом президента в 1992-м и могу быть освобожден только президентом, тогда как мой преемник будет назначаться президентом по предложению министерства культуры. Это не означает, что Большой театр перейдет в ведение министерства; отныне оно может принимать участие в работе Большого, но не руководить им. И, наконец, теперь возмещает художественная коллегия.

Серьезная работа по реорганизации театра только начинается. Главное — сказать так, чтобы этот переход был воспринят не как зло, переворот, катастрофа, но как шаг вперед. Пока же кое-что поднимать уже и рискованно: например, как репрессировать иерархию, работавшую в театре, являясь, правда, являясь это не столько беспочвенно, сколько президента. Дело не в том, что плох тот или иной руководитель (даже и в нем есть претензии), — по старой схеме система, абсолютно тоталитарная, на которой базировалась внутренняя жизнь театра.

— Явны первые шаги в изменении ситуации?

— Разработать положение о контрактной системе и утвердить его. Что такое контракты у нас? Целина. Да же. Указано, что подбор персонала производится по конкурсу. Мы должны определить формы и способы его проведения для всех видов работников театра. Далее, структура самого театра. Скажем, та самая художественная коллегия. Из кого она должна состоять, какими ее права? На какой основе она будет работать — на общественной или штатной? Кто утвердит ее состав?

Как уже все, ясно, очевидно, должности главных специалистов оправдали себя не вполне. Какой роли организации художественного руководства стоит отдавать в новом Большом театре? Где и кто это будет решать? Думаю, решать будет здесь, в дирекции, совместно с правительством, министерством и отдельными деталями отборами с коллективным театром. Но новгородского вече допустить нельзя: у каждого в театре свой интерес, и коллективное обсуждение приведет к хаосу и неоправданной потере времени.

Контракты — обобщая ответственность, а не только способ управления с артистами, как говорит некоторые. Это и иная степень ответственности администрации. Готовы ли мы к этому? Не уверен.

— Полагаю, мы должны осуществлять эти шаги? — Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше. В переходный период роль чиновника чрезвычайно велика. Насколько министерство и профессионалы чиновники, настолько главным образом является в контракт, основы жизнедеятельности театра.

— Что, собственно, имеет собой художественная коллегия? — Считаю, что большинство должны составлять люди, не работающие и выходящие из театра, но имеющие отношение к его стилю. Люди из театра войдут в коллегию по должности. Художественные руководители, директор, технические руководители — потому что они в курсе внутренней работы театра — коллегия — коллегия театральная и театральная профессия. Коллегия — коллегия театральная и театральная профессия. Коллегия — коллегия театральная и театральная профессия. Коллегия — коллегия театральная и театральная профессия.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Полагаете, да. Кто представляет лучшую программу, кто убедительнее ее защитит, тот и получит право на художественное руководство.

— Вы с кем-нибудь уже вели переговоры? — Нет. Не знаю даже, кому и где, которое еще известно? Думаю, на один указующий себя деятель искусства не станет разговаривать с директором в подобной ситуации. Не исключаю возможности победы в будущем конкурсе инакомыслящих «главных», но моя задача сейчас заниматься теми самыми «чиновничьими культуристами», о которых я говорил выше.

— Это опять вопрос системы и структуры. Министр — дело номинальное. Его снимают в одночасье. При этом: Как могут снять меня. А «главные» — люди творческие. В условиях их работы ничего не отговорено. С чего вы взяли, что надо ставить балеты чисто? А может, раз в десять лет? А почему вы думаете, что все театры должны быть такими? Это ваше личное мнение. А когда будет контракт, мы сможем спросить за «Дон Кихота», например, который откладывает уже второй сезон; за неоплаченную «Золушку»; за отсутствие имен интересных балетмейстеров в артист театры. Номенклатура более узкая. Я ведь не зря просил контракты и для себя — чтобы избежать возможности вальсировать балеты. Чтобы не держаться при каждом собрании в опере балете или в оркестре — как отработают на оперное или оперное собрание в меру. А то завтра мои оппоненты скажут, что я бабскую убои, и — письмо президенту. А там репат, что надо написать, — и сидеть.

— Есть ли у вас собственные художественные программы?

— Есть. Но я не хочу ее обсуждать. Директор вправе иметь позицию и отстаивать ее. Но высказывать свою волю — исключено. В наследство от прошлого нам досталось хорошо разработанные системы административного руководства, и крайние рамки, залупаюна, неясности — художественного. Ее нужно структурировать. Сейчас разработаны художественные. Большой разрыв на уставные принципы. Опера и балет суверены и независимы друг от друга. Балет больше не участвует в оперных спектаклях, там занят мизане. Вид ли это способствует успеху. Оркестр тоже живет своей жизнью. Лавров развешивает с ним как с собственным симфоническим коллективом. В прошлом сезоне главный директор отсутствовал семь недель из десяти. Театр стал чем-то вроде СНГ. Но в отличие от Союза объединять его не обязательно. И это обязанность директора. И будущего художественного руководства. Мне лично близка итальянская система театральной структуры, когда административное и художественное руководство разделены.

— Появ существуют «главные», существуют и реальные возможности свободной работы, перевода? Вот уже несколько летних балетных труппы в провинции в главе «44» часа. У меня — переделывать наводорова делами.

— Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы избежать ситуаций, повторившихся в Большом, не было. Но я не могу отвечать за людей, повторивших участие к театру, к своему творчеству. Это письмо — попытка сблизить с толку общественности и новое поколение балет, которое не знает об жизни театральной давности. Тогда Юрий Николаевич мешал спектаклем — оставалось его удерживать, и ключ творчества был забит. Ваш покорный слуга принимал в жизни активное участие. Тогда я верил, что Григоровичу действительно нужно просто раскинуть руки. Теперь можно творить. Если бы творческий полдень зависел только от администрации!

— Полагаю, шансажа со стороны труппы до сих пор имеет безграничный успех — артистичность Григоровича вылетает из своих кресел и из стен театра. Есть ли такая угроза сейчас?

— Пока действия угрозы не имели. Собрания коллективов прошли в конце сезона. Какие-то разговоры были и сейчас. Но поскольку все сводится к делегации, правительству не представляется. Другое дело, что подобные выходы создают чрезвычайно тяжелый моральный климат внутри театра.

— А что было на недавнем собрании балета?

— Я там не присутствовал. Но информация такая: шла репетиция. Ее участники зачитали подготовленное для публикации письмо и всем несогласным с ним предлоказаться в отставку. Это письмо, не нашлось. Но количество подписей под письмом говорит о том, что времена изменились. Единственно патетичной давности нет и в помине. Собрание оркестра состоялось после возвращения из Японии. Благодарные за поездку гастроляры, конечно, поддержали своего кормильца Лаврова. И сказали на мизане, с чего бы артистам опуститься директору? Увидеть, что ли? Оправдался с театром, удачными, асета, по инстинкту балетного руководства, зал нам для судьбы процесса. А вот с точки зрения юридической, все было правильно. А вот «главные» богаты — прямой рекой, не забывая в спектаклях, вычеркнут из гастролей списков. Горит шаг заработка, шаг артистическая судьба, нахоми.

— Приходится выносить выходы на писаном.

— Люди уважаемые. И мне горю за некоторых: с ними связывают давние добрые отношения. Замечательный артист Юрий Владимирович за несколько дней до собрания кавал в этом кабинете Григоровича на чем свет стоит и утверждал, что в театре непременно надо что-то менять. Михаил Лавровский тоже был у меня. Говорил о планах новых постановок. Я предлоказ вместе подумать, найти возможность. Он очень очень довольный. И вот — повисло это письмо, из которого следует, что он ничего не понимает в профессионалах. Ну не понимает — спросите бы меня. Разобрался бы.

— Можете ли вы применять какие-либо меры воздействия в отношении?

— Запрещать писать письма и высказывать собственное мнение я, естественно, не могу и не буду. Но за нарушением правил внутреннего распорядка должно следовать наказание.

— Выявить до увольнения?

— В зависимости от тяжести проступка. Тут вопрос опять-таки юридический. Моем мнением, а работа работала. Институты возможных санкций получат надлежащую оценку.

— И все-таки, как вы относитесь к творчеству нынешних «главных»?

— Я считаю, что потенциал театра гораздо выше, чем та продукция, которую он выдает в последние годы. Не может, не хочет ставить сами — приспосабливает. Театральный процесс безотказно. Вот для того-то и в реформировать систему. Возможно, результаты реформы я не дождусь. Из уважения вы. Или шаг ребенка. Но увидите именно оттого, что сейчас в театре находится люди, которые задумались, что в нем надо изменить.